

Т.В. Бузина

ДОСТОЕВСКИЙ В АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Заглавие «Достоевский в американской культуре и литературоведении» можно истолковать как указание на то, что Достоевский действительно представляет собой некое особое явление в американской культуре как таковой. Это не так. Достоевский — отдельная, активно разрабатываемая тема в американском литературоведении, и в ее разработке в последнее время наметились серьезные сдвиги и переломы. Достоевский, наряду с Толстым и Чеховым, символизирует собой для американского читателя русскую литературу в рамках всем привычных стереотипов про «загадочную русскую душу» и т. д. Но Достоевский не становится точкой отсчета при объяснении явлений современной культуры, хотя именно Достоевский безошибочно предсказал явления, определяющие сейчас интеллектуальную культуру Америки и мало-помалу просачивающиеся в массовое сознание.

Весь корпус произведений Достоевского стал доступен в английских переводах, насколько нам известно, начиная с 20-х годов XX века. Первыми «каноническими» изданиями романов Достоевского стали переводы англичанки Констанс Гарнетт (Constance Garnett), выполненные с 1914 по 1918 гг. Гарнетт переводила также и других русских авторов, например, Чехова, Толстого, Гоголя, и хотя ее переводы получали различные оценки, именно она перевела на английский практически все художественные тексты Достоевского. Связь Гарнетт с творчеством Достоевского была особенно тесной, и странное совпадение отмечает соприкосновение жизни Гарнетт с жизнью писателя. В Англии вышла книга внука Гарнетт¹, где он описывает биографию своей знаменитой бабушки и в том числе отмечает, что среди людей, помогавших Гарнетт в ее изучении русского языка и литературы, были Феликс Волховский, по-видимому, «соратник» Сергея Нечаева, а также Сергей Кравчинский (Степняк), бежавший из России после убийства генерала Мезенцева. Сообщником Кравчинского был Александр Баранников, сосед Достоевского в Петербурге².

Существует также множество других переводов Достоевского (Д. Магаршака, А. Мак Эндрю и т. д.). В последнее время новыми каноническими переводами стали работы Ричарда Пивира и Ларисы Волохонской (Richard Pevear and Larissa Volokhonsky), которым удалось максимально возможно передать как смысловую наполненность, так и стилистические особенности текстов Достоевского.

Достоевский в литературоведении

На Западе вообще о Достоевском стали писать почти так же рано, как и в России. Уже в 1912 году вышла книга Ф. Ллойда «Великий русский реалист (Федор Достоевский) с фотографическим фронтисписом», а в 1916 Мюрри опубликовал

«Критическое исследование о Достоевском» (см. Библиографию). Вполне вероятно, что эти работы писались на основе французских переводов Достоевского. Однако настоящее изучение творчества Достоевского началось позже, и классические работы американских славистов по его творчеству относятся ко второй половине XX века. Именно американские слависты стояли у истоков создания Международного общества Достоевского. Работы их, впрочем, стали известны в Советском Союзе-России позже, и только с девяностых годов началось настоящее взаимопроникновение идей между Россией и США.

Сразу оговорюсь, что здесь не будет говориться о работах американских ученых российского происхождения, хотя нельзя не упомянуть работы Марины Косталевской «Достоевский и Соловьев» и Ольги Меерсон «Табу Достоевского» (см. Библиографию). В их работах совмещаются российский и американский подходы к творчеству Достоевского, рассматриваются долго находившиеся в России под запретом философско-религиозные темы. Меня, однако, интересуют работы, созданные представителями собственно американской культуры, о них-то и пойдет речь.

В 1992 году в Московском Государственном университете им. Ломоносова, в 1-м Гуманитарном корпусе, состоялась лекция Роберта Луиса Джексона об искусстве Достоевского. Для многих, выросших либо на академическом отрицании Достоевского (особенно в МГУ), либо на снисходительном отношении к некоторым реакционным заблуждениям гениального писателя, подход Джексона, сделавшего «реакционные заблуждения» центральным пунктом своей работы над Достоевским, стал если не открытием, то, по крайней мере, принципиально иным подходом к творчеству писателя, нежели тот, что практиковался в Советском Союзе. Джексон, автор нескольких книг о Достоевском (см. Библиографию), ученый с обширным кругом интересов, изучал Достоевского не только самого по себе, но и в широком контексте мировой литературы, рассматривая как влияние других авторов на Достоевского («Диалоги с Достоевским»), так и влияние самого Достоевского на мировой литературный процесс («Диалоги с Достоевским», «Подпольный человек в русской литературе»). Однако именно «медленное чтение» и пристальное внимание к каждому конкретному слову Достоевского дало Джексону возможность сформулировать основное понятие «красоты» у Достоевского как понятие «образа», противопоставленного «безобразию», т. е. утрате образа и подобия Божия человеком и миром («Достоевский: поиск формы»). Джексона упрекали в эклектичности подхода к творчеству Достоевского, но его эклектичность остается формальной, выражается в том, что он рассматривает Достоевского с разных точек зрения и под разными углами, ни на минуту, однако, не теряя из виду основного этико-религиозного стержня мысли Достоевского, на который и нанизываются индивидуальные эссе Джексона, посвященные различным проблемам творчества Достоевского («Искусство Достоевского: Бреды и ноктюрны»).

В рамках такого подхода к литературоведению написаны классические труды Роберта Белнапа «Структура "Братьев Карамазовых"» и «Генезис "Братьев Карамазовых"», работы Робин Фойер Миллер об «Идиоте» и «Братьях Карамазовых», работы Дональда Фэнгера (см. Библиографию). Подход Фэнгера скорее можно охарактеризовать как «энциклопедический»: его работы содержат множество фактологической информации при отсутствии склонности к концептуальному осмыслению про-

изведений Достоевского, тогда как именно концептуализм, цельное видение творчества писателя отличает работы Белнапа, Джексона, Миллер, Франка. В своих лучших образцах работы американских ученых, возможно, склонны к тому, что строго академическая мысль может назвать «эклектичностью», однако это качество можно назвать и склонностью к широким культурным параллелям, к вписыванию Достоевского в контекст, не только современный самому писателю, не только находящийся с ним в отношениях прямого влияния (как, допустим, Диккенса на Достоевского или самого Достоевского на Камю), но и находящийся с ним в отношениях типологического параллелизма, когда художники разных эпох или стран (может быть, и не подозревавшие о существовании друг друга) разрабатывают одни и те же проблемы либо в сходном, либо в диаметрально противоположном ключах. (См., например, «Диалоги с Достоевским» Р.Л. Джексона.)

Особенно необходимо отметить колоссальный труд Джозефа Франка: писавшуюся на протяжении почти 30-ти лет пятитомную (первый том вышел в 1976, последний, пятый, в 2002) биографию Достоевского, в которой также подробнейшим образом анализируются все произведения писателя (см. Библиографию). Франк — один из классиков американского достоевведения, чьи работы о «Записках из подполья», например, определили преподавание этого произведения в США, и соглашались ли с Франком или спорили, он, несомненно, был отправной точкой многих критических работ американских славистов. Р.Ф. Миллер написала рецензию на последний том Франка, отметив как ключевую роль его работ в изучении Достоевского в США, так и эволюцию подхода самого Франка к теме — от культурологического, своего рода стремления увидеть Достоевского в актуальном контексте современности, до исторического — описания жизни и творчества Достоевского в рамках современного самому писателю контекста. Такое изменение акцента в работах Франка представляется значимым не только для движения мысли самого Франка, но и для понимания динамики восприятия Достоевского в Америке — можно сделать вывод, что Достоевский становится все менее «удобным» автором, и именно по тем причинам, по которым он был решительно неудобен в Советском Союзе: религиозная ориентированность философской мысли и творчества, правые и крайне правые взгляды, и т. д.

Однако уже в самих Соединенных Штатах классический подход к литературному тексту стал своего рода анахронизмом, классическим и уважаемым, но мало практикуемым за пределами круга учеников Джексона. Для того, чтобы понять, как именно сложилось текущее положение в литературоведении, необходимо увидеть, кто и что определяют интеллектуальную атмосферу американской науки, так называемой «академии». В 1999 г. профессор университета им. Брэндайса Юджин Гудхарт выпустил книгу «Есть ли у литературоведения будущее?»³, и эта короткая книга рекомендуется всем, кто хочет представить себе динамику развития литературоведения в США. Гудхарт видит литературоведение разбившимся на левый и правый лагерь, каждый из них со своей повесткой дня и со своими задачами. Доминирует в интеллектуальной жизни США, несомненно, левый лагерь, сформировавшийся еще в 1960-е годы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Присущая европейским интеллектуалам склонность к политической фронде нашла свое крайнее теоретическое обоснование в трудах французских философов, таких, как Деррида, Фуко, Делёз, положивших начало деконструкции и постмодернизму, стремящихся подорвать «доминантный дискурс» и доказать, что политический истеблишмент имеет не

больше прав устанавливать правила игры, чем протестующие против него интеллектуалы. Каждый имеет право быть собственным доминантным дискурсом — такова основная идея, лежащая в основе постмодернизма. Французский постмодернизм был пылко воспринят в США и сформировал основные принципы современной науки.

Нетрудно заметить, что постмодернизм отчасти поразительно похож на знаменитое понятие полифонии, предложенное Михаилом Бахтиным в «Поэтике Достоевского». Примером «переложения» Бахтина на язык постмодернизма можно считать работу одного из ведущих литературоведов США Гэри Сола Морсона, вместе с Кэрил Эмерсон активно работавшего над переводами М.М. Бахтина на английский язык. Морсон разработал собственную теорию литературы, противопоставленную «Поэтике» Аристотеля⁴. С точки зрения Морсона, поэтика Аристотеля более не описывает адекватно художественные принципы, на которых основывается современная литература. Если художественное произведение представлялось Аристотелю замкнутым, полностью контролируемым автором, имеющим строго определенные начало и конец, то новая теория литературы, «прозаика», предложенная Морсоном, выдвигает на передний план принципиально разомкнутое, неоканчиваемое произведение, где автор не является полновластным хозяином происходящего. В теории прозаики Морсона бахтинское понятие полифонии доведено до некоего абсурда. Бахтин интерпретируется прежде всего в духе постмодернистского релятивизма, как пропагандист абсолютного равноправия всех точек зрения, включая авторскую. Представление о том, что в системе Бахтина равноправие голосов существовало в рамках мира, заданного доминантным гласом Божиим, по выражению Марины Косталевской, «полифонии в рамках замысла», где и сам автор текста играет роль творца, определяющего систему координат своего мира, из современного толкования Бахтина практически исключается. Понятно, почему Морсона особенно интересует «Дневник писателя» Достоевского как образец именно такого «прозаического» произведения (см. Библиографию). «Дневник писателя» — открытая система, имеющая произвольное начало, определенное только датой, когда Достоевский начал писать свой «Дневник», и принципиально не имеющая заранее задуманного и определенного конца, потому что концом текста оказывается, по сути дела, смерть автора. Однако Морсон прочитывает в духе прозаики и другие произведения русской литературы XIX века в целом.

Следует оговориться, что современная американская наука стоит на той точке зрения, что господство постмодернизма в литературоведении, философии и вообще в интеллектуальной сфере давно закончилось. Но если даже никто больше не называет себя постмодернистом, влияние этого философского направления все еще безусловно и необыкновенно сильно. В сочетании с движением за права различных меньшинств, с феминизмом, с борьбой за самые различные права в самых различных сферах жизни, постмодернизм привел к тому, что в середине 1990-х годов США захлестнула невероятная волна политической корректности, по своему размаху и влиятельности сравнимая только с обязательностью правоверного коммунистического катехизиса строителя светлого будущего в Советском Союзе. Как следствие, необычайно популярны стали прочтения литературы вообще и Достоевского в частности с точки зрения различных меньшинств, с точки зрения феминизма и т. д. Среди строго феминистских текстов можно отметить работы Нины Пеликан-Строс (см. Библиографию). Сюзанна Фуссо писала о гомосексуализме в «Подростке» и, с не-

сколькой меньшей убедительностью, о мастурбации в «Братьях Карамазовых», объясняя характер Смердякова его склонностью к мастурбации на основе современных Достоевскому медицинских трактатов на эту тему; к сожалению, относимая к Смердякову тема скопчества и связанные с ней религиозно-философские вопросы, таким образом, исключались из рассмотрения (неопубликованные доклады, прочитанные в Йельском университете в 1996–1998 гг.).

Интерес американских славистов вызывает также общественная деятельность Достоевского, особенно его внимание к уголовной хронике, и Гэри Розеншильд сравнивал участие Достоевского в деле Корниловой с участием Нормана Мейлера в деле Джека Эббота, подчеркивая различное отношение русского и американского писателей к своим «подопечным» и разные исходы освобождения осужденных по их вмешательству (Корнилова вскоре умерла, не запятнав себя новыми преступлениями, Джек Эббот совершил новое убийство). Уже в истоке интереса Достоевского к Корниловой и Мейлера к Эбботу намечаются линии расхождения между ними и, в какой-то степени, представляемыми ими культурами и культурными эпохами: Достоевского интересует этическая сторона дела Корниловой, ее возможное безумие на момент совершения преступления, Мейлера же интересует прежде всего писательский талант Эббота (написавшего в тюрьме книгу «Во чреве чудовища: письма из тюрьмы»⁵), а не совершенные им преступления.

Типичные для России стереотипы о противостоянии России и Запада, о почвенничестве Достоевского также находят отражение в американской славистике. Тот же Розеншильд подхватывает обычные тезисы о Достоевском и его почвенничестве, утверждая, что «Записки из Мертвого дома» восхваляют коллективную ответственность русского народа как спасение для самого народа, и для России в целом. Под «коллективной ответственностью» Розеншильд, вероятно, имеет в виду некий опыт сродни откровению Мити Карамазова про «дите» и про необходимость пострадать за все человечество. Однако в мире Мертвого дома коллективная ответственность означает отсутствие личной ответственности, и творчество Достоевского свидетельствует о том, что коллективная ответственность и зависимость от коллектива ведут к тем именно порокам, которые сам Достоевский стремился объявить «наносными» и практически неважными. Бездна между народом и дворянами создана глубинным детерминизмом и безличным мирозерцанием русского народа; народ ответственен коллективно и, следовательно, отдельные его члены не несут никакой ответственности. Таким образом, они избегают самого сурового наказания — наказания собственной совести. Поэтому для Достоевского ощущение истинной причастности коллективу приходит только после осознания собственной личности и индивидуальности. В данном случае личная ответственность становится ответственностью за коллектив, а не наоборот. Это должна быть соборность, а не круговая порука.

Однако вполне возможно, что подмена соборности коллективной ответственностью в статье Розеншильда также оказывается красноречивой иллюстрацией собственно американской культуры. Проникающее в русский язык понятие «идентичности», вначале означавшее часть личности человека, ответственную за формирование здоровых отношений индивида и общества, в последние годы становится синонимом и вытесняет собственно слово «личность», таким образом подменяя индивидуальность коллективной ментальностью и одновременно изоляционизмом, дающим

иллюзию индивидуальности. Современная американская культура переживает в себе все то, что переживали герои Достоевского, не осознавая, впрочем, актуальности его романов для американской современности. Так, провозглашая самодостаточность и независимость личности, но одновременно внедряя в сознание людей представление о человеке прежде всего как о части некоей коллективной сущности (будь то женская половина человечества, сексуальное или этническое меньшинство и т. д.), американская культура, во-первых, снимает с человека индивидуальную ответственность за свои поступки, а, во-вторых, неизбежно приписывает каждой такой группе статус жертвы в жестоких руках общества в целом и, словно следуя типичному поведению Ивана Карамазова, постоянно освобождает людей от любой ответственности за свои поступки только потому, что они жертвы реальных, а иногда и воображаемых притеснений со стороны общества.

Не прошла американская славистика и мимо психоаналитических интерпретаций Достоевского — Джеймс Райс выпустил книгу «Достоевский и целительное искусство», рассматривая в ней не только творчество, но и жизнь Достоевского. Творчество Фрейда, как и его знаменитое эссе «Достоевский и отцеубийство», всегда было неотъемлемой частью американской научной культуры, и хотя прямые цитаты из Фрейда вышли из моды, влияние патриарха психоанализа неизбежно прочитывается в самом стиле разбора психологических отношений в творчестве Достоевского.

Особо хочется сказать о книге, не укладывающейся в рамки привычного литературоведения — о книге Джеймса Скэнлэна «Достоевский-мыслитель». О философии Достоевского говорится часто и много. Скэнлэн предпринял попытку систематически изложить философские взгляды Достоевского — онтологию, богословие, представления о бессмертии души и т. д. Эта книга — попытка формально, на языке философии, описать довольно аморфное понятие «философии Достоевского».

В последние годы в развитии современной американской культуры парадоксальным образом узнаются до боли знакомые каждому когда-то советскому человеку штрихи бывшей советской жизни. Последним аккордом в советизации американской науки стала так называемая «Новая экономическая критика», рассматривающая культуру и литературу в контексте меняющихся экономических парадигм. В качестве примера прочтения Достоевского в рамках новой экономической критики можно назвать доклад Сюзан МакРейнольдс, представленный на XII Симпозиуме Международного общества Достоевского. Как и следует ожидать от критического направления с таким названием, на первый план выходит то, что исследовательница считает политико-экономической подоплекой текстов Достоевского. Как это происходило и в советском литературоведении, общественно-политическая задача обличения пороков Достоевского является настолько центральной для автора, что она заслоняет собой свидетельства текста в стремлении исследовательницы продемонстрировать обскурантизм Достоевского на примере Великого инквизитора и безразличного сведения вместе публицистики и художественных текстов Достоевского. Представление о том, что текст формируется читателем, хотя и не высказывается прямо как основная теоретическая предпосылка таких работ, но, тем не менее, ощущается в подтексте прочтения, манипулирующего цитатами и понятиями.

В целом американское достоеведение уходит от концептуальных прочтений, напуганное призраком политической корректности и перспективой оскорбить кого-нибудь своей концепцией. Все меньше внимания уделяется религиозно-этическому

смыслу произведений Достоевского — подчас настолько мало, что однажды на одном из курсов по творчеству Достоевского в американском колледже автору задали невинный вопрос: «А был ли Достоевский религиозен?», причем в виду имели не проблему религиозных убеждений Достоевского, а самый факт их существования. Несмотря на истоки американского достоевеведения, где удивительно бережно, тщательно, с любовью читался именно Достоевский-художник, Достоевский — религиозный и этический мыслитель, сейчас Достоевский все чаще и чаще старательно читается так, чтобы его политические и религиозные убеждения либо остались за бортом анализа, либо предстали реакционными ошибками писателя.

Достоевский в колледжах и популярном воображении

Прежде всего надо отметить, что в каком-то смысле, попадая в американскую культуру, тексты Достоевского оказываются в утрированно чуждом ему контексте. Мотив и образ Америки у Достоевского заслуживает особого упоминания. География Достоевского ограничена, но семантически наполнена. Можно сказать, что Достоевский вернулся к тому, что Лотман описывал как средневековое восприятие географии, когда география оказывается своего рода этическим знанием, т. е. географические названия обладают дополнительной семантикой «грешности» или «праведности» и т. д.⁶ Америка у Достоевского, несомненно, относится к «грешным» землям. Если Россия — земля святости и истинной веры (пусть по виду России этого сразу и не скажешь, но ведь Достоевский пытается увидеть то, что есть, под тем, что кажется), то Америка — лучший кандидат на роль земли мертвых. Географически она расположена к западу от России, а запад — сторона грешная, сторона заходящего солнца. Более того, Америку от Старого света отделял океан, а водное пространство традиционно воспринималось как путешествие в загробный мир. Кроме того, будучи страной эмигрантов, Америка — это страна людей без корней, людей, оторвавшихся от родной почвы; отъезд в Америку был полностью противоположен обретению истинной общности с родной землей и родным народом. Именно поэтому у Достоевского герои с демоническими наклонностями, такие, как Кириллов и Шатов, отправляются в Америку до того, как ими полностью завладевают грешные идеи Ставрогина. Толкая Митю на отъезд в Америку, Иван невольно пытается оторвать его от вновь обретенной общности с людьми и с Богом. Митя понимает это, и поэтому в мрачных тонах описывает свою возможную жизнь в Америке. Кроме того, Америка, говоря современным языком, принципиально позиционирует себя как страну индивидуализма, что для Достоевского является тупиковым путем для человека и человечества⁷.

Однако, несмотря на такое отрицательное отношение Достоевского к самой себе, Америка готова читать его произведения. Американским школьникам часто предлагают в обязательном порядке прочитать «Записки из подполья» или даже «Преступление и наказание» в старших классах средней школы, затем изучение продолжается на добровольной основе в колледжах. Подчас Достоевского «преподают» вместе с другим представителем великого русского романа — в восприятии американских читателей великого прежде всего по объему — вместе с Толстым. Достоевский и Толстой — классическая двойка русской литературы, изучаемая в рамках программы по русской литературе во всех колледжах и университетах США⁸ и иногда объединяе-

мая шутливым неформальным названием «Толстоевский». Обычно в таких сдвоенных курсах студенты читают «Преступление и наказание» и «Братьев Карамазовых». Если курс по Достоевскому читается отдельно от Толстого, «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» включаются туда практически автоматически, следующим по популярности текстом являются «Записки из подполья», а далее все зависит от индивидуальных предпочтений преподавателя. Есть очень простой способ определить наиболее часто изучаемые в колледжах и наиболее популярные произведения Достоевского — это так называемые «Клифф ноутс», «Монарк ноутс» и «Спаркс ноутс», краткие изложения произведений мировой литературы от Гомера до Толкиена, издаваемые специально для студентов, у которых катастрофически не хватает терпения и внимания самостоятельно одолеть длинные тексты. Все эти издания предлагают только три текста Достоевского — «Преступление и наказание», «Братьев Карамазовых» и «Записки из подполья», что говорит о том, что именно эти три текста востребованы студентами.

Еще десять лет назад было практически невозможно узнать, что же думает о том или ином художественном произведении (будь то фильм, книга, картина и т. д.) не специалист в данной области, а обыкновенный читатель / зритель, зачастую не обремененный специальной подготовкой и даже минимальными знаниями о контексте каждого отдельного произведения. С появлением Интернета, великого инструмента для эксгибиционистов всех мастей, и с осознанием того, что критики и специалисты могут сколько угодно распространяться о близких и дорогих им высоких материях, но рядовой читатель вряд ли будет изучать полновесные литературоведческие трактаты, чтобы решить, читать ему, скажем, Достоевского или нет, а, скорее, спросит своего соседа по парте, коллегу по работе, приятеля, интернет-магазины и интернет-информационные издания ввели специальные рубрики «Рецензии пользователей», где каждый желающий, совершенно бесплатно, может оставить для потомства свое высказывание абсолютно обо всем. Рецензии иногда пишутся под своими именами (что отмечается отдельно), либо анонимно, либо под псевдонимами, «никами», и это самый интересный случай, так как выбор имени для виртуального «альтер эго» говорит о пишущем больше, чем какой-нибудь «Джон Смит». Именно при чтении таких совершенно свободных высказываний убеждаешься, что, говоря бессмертными словами Шварца, «народ живет сам по себе!»⁹ Сколько бы учителя, профессора и прочие интеллектуалы ни распинались о величии Достоевского, у народа своя точка зрения, и чем моложе народ, тем точка зрения хуже. Вершиной отрицательного отношения к Достоевскому можно считать короткую рецензию, оставленную на веб-сайте Интернет-монстра Амазон некоей Дианой Йиндрой, пользовательницей школьного возраста. Рецензируя, если так можно выразиться, «Записки из подполья», она начинает так: «Прежде всего, как вообще можно печатать мужика с такой фамилией — Федор Достоевский? Может, его вообще не стоит печатать. <...> Я еще не добралась до второй части. <...> От первых семнадцати страниц у читателя начинается мигрень, а дальше дело становится еще хуже»¹⁰. Рецензия, при всей своей комичности, говорит об одной важной особенности восприятия, к сожалению, сформировавшейся у нынешнего поколения американцев — при всем провозглашаемом уважении к разнообразию языков, культур и мнений, проблемы с уважением начинаются уже на уровне объема текста и личных имен — жалобы многочисленных пользователей на Достоевского неизбежно вклю-

чают причитания по поводу неудобоваримых русских отчеств и фамилий, а также упреки писателю в том, что он не умел себя ограничивать. Вот типичный пример: в рецензии на «Бесов» под заглавием «Нужен был строгий редактор» пользователь выносит Достоевскому суровый приговор: «ФД позволяет себе частые философские отступления, личные вендетты (особенно против Тургенева). Это скучные места, и здесь и так уже скрипучий сюжет просто еле-еле ползет». Еще один рецензент «Бесов» жалуется в тон: «Первые 50–75 страниц — самые скверные в книге. Дальше дело идет на лад, хотя с такой скоростью, от которой уснула бы и черепаха». В таких рецензиях живо узнается поколение, выросшее на боевиках и видеоклипах, где все проносится перед глазами и ни одна сцена не длится дольше одной минуты¹¹. Именно продукт MTV и чтения Тома Клэнси утверждает, что «Достоевский не владеет основными приемами построения повествования». Однако в целом Достоевский получает довольно высокие оценки (буквально; Amazon дает своим посетителям возможность оценить каждое произведение по пятибалльной шкале — от одной до пяти звездочек, почти как армянский коньяк; при каждом названии продаваемого товара стоит средняя оценка покупателя; больше всего звездочек у «Преступления и наказания», «Бесов» и «Братьев Карамазовых», «Записок из подполья»; меньше нравится публике «Идиот» и еще меньше «Подросток»). Причины, по которым Достоевский *не* нравится, пожалуй, даже интереснее причин, по которым он нравится. Не нравится Достоевский (особенно это относится к «Бесам») не только неумением писать, но и своей, как пишут пользователи, «реакционностью»: одна рецензия так и озаглавлена «реакционная истерия». И каково же решение проблем, предлагаемое Достоевским, задается вопросом рецензент и отвечает: «Возвращение к религиозному мистицизму, к обскурантизму». И повторяет: «Это просто религиозная истерия. И почему этого писателя ставят в один ряд с великим Толстым?» (Парадоксальным образом, религиозный дух Толстого, видимо, остался совершенно незамеченным.) Другой пользователь пишет, что «все книги Достоевского — скверно написанный расистский мусор». Впрочем, далее добавлено, что, конечно, его романы «спасают интересные философские размышления», на которые хватило бы и ста страниц. Не совсем понятно, как одно явление уживается с другим, как в «расистском мусоре» могут быть интересные философские размышления, а также красота православной веры, о которой рецензент тоже упоминает, но зато становится ясно, какая каша зачастую в головах читающих романы Достоевского и как проблематично для них выстроить более-менее логическую цепочку размышлений и оценок. «Интересно, — пишет далее тот же рецензент, — что Ницше часто связывают с нацизмом, хотя он отвергал антисемитизм, но Достоевскому приписывают честь предсказания ужасов сталинизма, хотя он внес свой вклад в расистскую идеологию, которая отправила столько невинных людей на смерть».

Среди главных достоинств Достоевского для американского читателя — глубина психологического проникновения и умение «очеловечивать бесчеловечное». Рецензент из Мичигана (под псевдонимом «Не укрощенный лев», заимствованным из религиозной сказки-притчи «Хроники Нарнии» К.С. Льюиса) пишет: «Безбожные радикалы этого романа (Шатов, Ставрогин, Верховенский) — существа того же порядка, что и самые зловещие фигуры 20-го века (Гитлер, Франко, Сталин). Они танцуют, словно тени в бесовском огне, на страницах этой книги. “Бесы” погружают читателя в мелкую бездушность, которая есть самое сердце нигилизма.

Непреренно надо прочитать [эту книгу]». Очень часто полярные оценки Достоевского исходят из чисто идеологических предпосылок, и художественная сторона романа имеет к ним весьма малое отношение. «Достоевский был религиозным консерватором, — пишет один из пользователей, — а это исключительно табуированная тема в современном американском обществе, но сомнений в том, что это гениальная книга, быть не может».

Но тем не менее, читатели, живущие в иной исторической и культурно-психологической ситуации, иногда даже не разделяющие убеждений Достоевского, обладающие другим мировоззрением, могут воспринять различные аспекты произведений Достоевского, проявляя при этом пронизательность и чуткость к тексту, какой не видно в работах профессионалов. Они пишут обо всех темах романа, о его формальной стороне, о комическом даровании Достоевского (и то, что это безошибочно чувствуется в переводе, огромная заслуга Пивири и Волохонской), о политической подоплеке неприятия его романов в США («профессора прекрасно понимают, какой удар этот роман [“Бесы”] наносит по их собственным попыткам привить студентам свои утопические политические взгляды»). Читатели пишут о теме ответственности у Достоевского, об опасностях свободы, и из целого ряда рецензий складывается достаточно разностороннее представление о Достоевском, проблематике его романов, его художественных приемах и значимости Достоевского для современного американского читателя. Хотелось бы завершить эту часть статьи следующей цитатой из весьма длинной (для Интернета) рецензии на «Идиота»:

«Читателю не стоит ожидать от Достоевского конкретики реализма. Подходящей метафорой для гиперактивных персонажей Достоевского может стать известное инженерам и математикам преобразование Лапласа. В этом процессе уравнивания неизбежно приводятся в так называемую “s-сферу”. Меня всегда поражало, как странно то, что полностью выдуманное пространство каким-то образом помогает выделить истину из реальности. Но, хотя и поверхностно, это напоминает мне функцию “фантастического реализма” Достоевского как я его понимаю. Большая часть героев Достоевского существовать не может (я надеюсь); они слишком гиперактивны, нестабильны, слегка сентиментальны, и вообще слишком фантастичны для нашего мира. Но Достоевский пишет не какую-нибудь там хронику распадающегося семейства. Его интересуют вечные человеческие темы. <...> Несомненно, такие темы нельзя исследовать на примере персонажей, которые, например, едят пончики за чашкой кофе и мирно обсуждают достоинства поливалок для газона».

Достоевский и американская массовая культура

Основной акцент в современной массовой культуре, несомненно, оказывается на видеоконпоненте. Кинематограф становится неизбежным дополнением литературы, и каждый бестселлер или классический роман неизбежно экранизируется. Собственно с экранизациями его романов Достоевскому везло меньше, чем Толстому, и по количеству, и по качеству фильмов. В 1935 в США был снят фильм «Преступление и наказание» с Петером Лорре в роли Раскольникова, в 1957 вышел фильм «Братья Карамазовы», где Митю играл Юл Бриннер, а Грушеньку — Мария Шелл (также сыгравшая главную героиню в фильме Лукино Висконте «Белые ночи»), а в 2000 появился фильм «Преступление и наказание в предместье» (Crime and Punishment in

Suburbia), где практически исчез христианский элемент, и все свелось к роману популярной в школе девицы, убившей похотливого отчима, и влюбленного в нее странноватого паренька, который уговорил ее признаться в убийстве, чтобы мать девушки не попала в тюрьму по ложному обвинению. Интереснее оказываются те фильмы, в которых Достоевский не заявлен в титрах как «вдохновивший» то или иное произведение киноискусства. И здесь наиболее «достоевскими» оказываются детективы, фильмы и книги того жанра, в котором Достоевский был отчасти основоположником (если «Братья Карамазовы» — классический детектив в современном понимании, то «Преступление и наказание» — пожалуй, первый детективный роман, где личность убийцы известна с самого начала, а интрига состоит в том, как именно убийцу выведут на чистую воду; в XX веке такие детективы станут весьма популярными, хотя конец у них будет далеко не всегда достоевским, и совесть весьма редко доводит убийцу до признания в преступлении). Впрочем, детектив и Достоевского в советском-российском литературоведении обычно разделяют по принципу «мухи отдельно, котлеты отдельно», поскольку поздний по времени возникновения и маргинальный жанр, детектив, воспринимаемый как дешевая развлекаловка, считается недостойным великого художника. Но в XX веке именно детектив, в силу своей маргинальности и как следствие этой маргинальности большей свободы, продолжил те самые достоевские темы, которые стали неудобны в большой, серьезной литературе и большом, серьезном литературоведении. Более того, по сравнению с классическими детективами начала XX века (А. Конан Дойл, А. Кристи и т. д.) детектив конца XX века явно претендует на более высокое место в иерархии литературных жанров, зачастую отводя центральное место не собственно детективным событиям, но перипетиям психологической жизни персонажей. Вполне возможно, именно Достоевский показал авторам современных детективов возможные пути развития жанра.

Среди фильмов детективного жанра, во многом обязанных Достоевскому, можно назвать «Веревку» (1948) А. Хичкока, историю двух молодых людей, убивших своего друга исключительно ради убийства. Сам сюжет традиционно возводится не столько к «Преступлению и наказанию», сколько к реальному уголовному делу Лепольда и Лозба (Leopold and Loeb), убивших четырнадцатилетнего мальчика, по всей видимости, ради самого ощущения убийства, но Хичкок воспользовался только мотивом убийства ради убийства, совершенно изменил реальные обстоятельства преступления и закончил фильм, происходящий в комнате, где убийцы сервируют гостям обед на сундуке, куда спрятано тело жертвы, прозрением бывшего учителя убийц, раскрывшего их тайну и узнавшего в их поступке собственные слова, которые он никогда в жизни не подумал бы воплотить. Можно сказать, что в «Веревке» «Преступление и наказание» заканчивается прозрением Ивана Карамазова, понявшего, что слово может быть столь же смертоносным, сколь и дело.

Еще одна вариация на мотивы «Преступления и наказания» — фильм «Исчезновение» Георга Слюзера, снятый в 1988 году в Голландии, а затем зачем-то переснятый тем же режиссером в США (1993). Здесь стержнем сюжета оказывается решение человека, примерного мужа и отца семейства, совершившего геройский поступок (спасшего тонущего мальчика), проверить, сможет ли он столь же спокойно отнять жизнь, как он помог сохранить ее маленькому мальчику. Как оказалось — смог, и без всяких раскольниковских угрызений совести. Хотя принцип отбора

фильмов для римейков несколько загадочен, самый факт, что «Исчезновение» воспринималось как потенциально актуальный и интересный для американского зрителя фильм, говорит сам за себя.

Однако самым неожиданным откликом на Достоевские темы в XX веке оказывается роман Томаса Харриса «Красный дракон», первый в трилогии, посвященной Ганнибалу Лектеру, психопату-каннибалу, с которым мы впервые познакомились по фильму Дж. Демми «Молчание ягнят». Трилогия Харриса полностью экранизирована, а по «Красному дракону» снято даже два фильма: одноименный Бэзила Рэтбуона и «Охотник на людей» Майкла Мэнна. Трилогия Томаса Харриса доводит до логического конца традицию, начатую еще старшей софистикой в Древней Греции, объявившей человека мерилем всех вещей. В мире XX века, в постмодернистском мире равноценных дискурсов, сколько людей, столько и мерил, и каждое мерило логично присваивает себе право перекраивать мир по своему вкусу. «Преступление и наказание» — роман о человеке, который попытался утвердить свое право быть мерилом чужой жизни. В «Братьях Карамазовых» Иван косвенно говорит о том, что случается, когда человек начинает руководствоваться в своем отношении к другим людям собой как мерилом должного положения вещей: «Человек редко согласится признать другого за страдальца <...>. Потому, например, что от меня дурно пахнет, что у меня глупое лицо <...> у меня вовсе не то лицо, какое, по его фантазии, должно бы быть у человека, страдающего за такую-то, например, идею» (14, 216). На протяжении всего романа Иван категорически отказывается признать за страдальцев кого бы то ни было, кроме самого себя, что оказывается одной из причин, приведших к убийству Федора Павловича и трагедии как Дмитрия, так и самого Ивана. В романной вселенной Достоевского любая попытка героев стать мерилом всех вещей оказывается попыткой занять место Бога, и эти попытки неизменно проваливаются. Герои притязают на крайнюю свободу — на свободу Божества, которая оказывается для них полным порабощением. В текстах Харриса попытка Лектера присвоить себе божеские прерогативы увенчивается успехом. Девизом романов Харриса могла бы стать фраза «Съел ближнего своего и свободен» — во всех смыслах, в юридическом и в метафизическом. Более того, в 2000 году, для очередного переиздания «Красного дракона», Томас Харрис пишет новое предисловие, и в нем процесс написания трилогии оказывается процессом узнавания того, что как бы существует независимо от автора. Прimitивная, с точки зрения многих критиков, развлекаловка выдвигает претензии уровня очень серьезной литературы — претензии на творчество как на акт узнавания и пересоздания уже существующего. Так Булгаков описывал отношения Мастера и Пилата — реально существовавший прокуратор Иудеи был и выдуманным Мастером героем. В «Красном драконе» Харрис пишет о своем герое: «К тому времени, как я решил записать события, происходящие в “Ганнибале” [записать, а не сочинить! — Т. Б.], доктор, к моему удивлению, зажил своей собственной жизнью. Вам он, похоже, кажется таким же странно очаровательным, как и мне» (p. xii-xiii).

Роман Харриса — словно отражение Достоевского в кривом зеркале, созданном, как в сказке Андерсена, самим дьяволом. Отвратительный убийца, но как будто и очарователен, говорит Харрис. «Казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен» (10, 37), пишет Достоевский о Ставрогине. «Когда ты убиваешь человека, даже когда тебе приходится это делать, от этого тебе плохо? —

Вилли, это самое уродливое, что есть в мире» (р. 171). Какие достоевские понятия использует Харрис в своем тексте! Здесь перед нами — те же красота и безобразие, связанные с нравственностью и убийством. Но если у Достоевского истинно эстетическое было прежде всего этическим, то к XX веку первенство осталось за чистой эстетикой, не связанной с универсальными нравственными нормами — за отсутствием таковых. Если Бога нет, то все оказывается действительно дозволенным. Каждый устанавливает свои эстетические критерии и по ним судит весь мир. Каждый оказывается мини-богом. «Я не человек. Я был им, но милостью Божией и моей Волей, я стал Другим, Больше, чем человеком. Вы говорите, что вам страшно. Чувствуете ли вы, мистер Лаундс, что находитесь в присутствии Божиим?» (р. 218). «Мы не создаем свои характеры, Уилл; нам их раздают вместе с легкими и поджелудочной железой и всем остальным. Зачем сопротивляться? <...> Разве тебе было так паршиво не потому, что убивать его было приятно? Подумай об этом, но не волнуйся об этом. Почему это должно быть неприятно? Богу это, должно быть, приятно — Он делает это все время, а разве мы не созданы по Его образу? Может, ты читал вчера в газете, Бог обрушил крышу церкви, когда тридцать четыре прихожанина в Техасе ползали там на брюхе, вознося Ему гимн. Разве это было не приятно?» (р. 348–349). К концу третьего романа Ганнибал Лектер торжествует. Он остается совершенно безнаказанным, ему достается героиня, он — бог мира, созданного Томасом Харрисом, вернее, мира, который, как утверждает Томас Харрис, уже существует независимо от его воображения.

Говорить о «Красном драконе» стоит прежде всего по той причине, с описания которой начался разговор о Достоевском и массовой культуре XX века — с доминанты визуальных искусств в конце, как теперь принято говорить, прошлого столетия. Идеи распространяются гораздо быстрее, среди гораздо большего количества людей, и оказывают гораздо большее влияние самой своей наглядностью. В современной американской культуре (и не только американской) идеи Достоевского нашли свое продолжение и развитие, но завершение, прямо противоположное тому, к чему стремился Достоевский. То, что Ивану казалось просто словами, воплотилось в убийстве Федора Павловича, совершенном, к ужасу Ивана, столько же им самим, сколь и Смердяковым. Томас Харрис фривольно играет понятиями свободы и божественности, но ровно теми же понятиями руководствовался вполне реальный каннибал Джеффри Дамер, убивший и съевший восемнадцать человек. Он задавался вполне достоевским вопросом: если Бога нет, то почему он не может убивать и есть себе подобных? Восторги Томаса Харриса уже передаются аудитории, читающей его книги и смотрящей поставленные по ним фильмы. Представления читателей о Достоевском и смысле его романов пока противостоят тенденции, утверждаемой Харрисом и другими представителями современной массовой культуры, но если массовая культура объединится с научными сферами в пренебрежении к религиозно-этической стороне творчества Достоевского вследствие пренебрежения к религиозно-этическим категориям вообще, что уже происходит на наших глазах, если и дальше будет продолжаться релятивизация нравственности по общественно-социальным признакам (что уже было пройдено Советским Союзом) и эстетическим категориям, вполне возможно, что Достоевский будет читаться в Соединенных Штатах не как мрачное пророчество по поводу русской революции, а как мрачное пророчество по поводу универсальной судьбы всего человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Garnett Richard. Constance Garnett: A Heroic Life. London: Sinclair-Stevenson, 1991.*

² См. также тезисы доклада Кэрол Флэт на XII Симпозиуме Международного общества Достоевского в Женеве. 2004. С. 132–133.

³ *Goodheart E. Does Literary Studies Have a Future? University of Wisconsin Press, 1999.*

⁴ На русском языке см.: *Морсон Сол Гэри. «Идиот», поступательная (процессуальная) литература и темпика // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М.: Наследие, 2001. С. 7–27 (Пер. с англ. Т.А. Касаткиной).*

⁵ *Abbott Jack Henry. In the belly of the beast: letters from prison / With an introduction by Norman Mailer. New York: Random House, 1981.*

⁶ См.: *Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских Средневековых текстах // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 408.*

⁷ Однако надо отметить, что в целом негативное отношение Достоевского к Америке не мешало ему высоко ценить некоторых американских писателей, таких, например, как Эдгара Аллана По. Интересно отметить, что знаменитый разговор Ивана Карамазова с чертом опирается не только на историю про Лютера, бросившего чернильницей в дьявола, но и, возможно, на малоизвестный рассказ Э.А. По «Бон-Бон». В этом рассказе философа Бон-Бона неожиданно посещает дьявол. После длительной беседы Бон-Бон швыряет в непрошеного гостя бутылку и приходит в себя после попойки. (См.: *Poe E.A. The Complete Poems and Stories of Edgar Allan Poe. With Selections from his Critical Writings. 2 vols. New York: Alfred A. Knopf, 1946. Vol. 1. P. 116–128.*)

⁸ Колледж и университет, в отличие от российской системы, представляют собой равноценные в образовательном плане заведения, отличающиеся только тем, что в университетах есть аспирантура, присваивающая докторскую степень. Образование в колледже заканчивается максимум на степени магистра. Однако даже в университетах обучение студентов, пришедших туда сразу после школы, ведется в так называемых колледжах, т. е. специальных подразделениях университета. Следует также представлять себе, как выглядит так называемое образование в духе свободных искусств (*liberal arts education*). Абитуриент поступает не на специальность, а просто в колледж/университет. Обучение занимает 4 года. За эти четыре года студент должен прослушать определенное количество курсов по компонентам дисциплин: точные науки, естественные науки, общественные науки, гуманитарные науки. Зачастую в колледжах есть некий центральный курс, обязательный для изучения, иногда он отсутствует. Следует учитывать, что все студенты, приходящие на курсы по русской литературе, приходят туда абсолютно добровольно, в отличие от вынужденных изучать Достоевского учеников средней школы.

⁹ Тень // *Шварц Евгений. Обыкновенное чудо. Лениздат, 1992. С. 123.*

¹⁰ Все рецензии пользователей взяты с веб-сайта www.amazon.com, крупнейшего интернет-магазина США. Неспособность определенной части аудитории сосредоточиться на тексте настолько бросается в глаза, что один из более уравновешенных пользователей замечает по поводу рецензий на роман «Идиот»: «Я никогда не верил, что телевидение, а особенно MTV, превратило нас в нетерпеливых читателей, но, прочитав пару рецензий с жалобами, что по сюжету ничего не происходит, я склоняюсь к тому, чтобы изменить свое мнение».

¹¹ Не стоит думать, что описываемое приложимо только к США. Недавно выпущенный на DVD «Гамлет» проходит в России под рубрикой «боевик». Ссылка на Шекспира появляется только в скопированной с английского диска информации на английском же языке.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Abraham Gerald.* Dostoevsky. London: Duckworth, 1936.
- Anderson Roger B.* Dostoevsky: myths of duality. Gainesville: University of Florida Press, 1986.
- Belknap Robert L.* Genesis of The Brothers Karamazov: the aesthetics, ideology, and psychology of text making. Evanston: Northwestern University Press, 1990.
- Belknap Robert L.* Structure of The Brothers Karamazov. The Hague, Paris, Mouton, 1967.
- Brasol Boris.* Mighty three; Poushkin, Gogol, Dostoevsky; a critical trilogy. Introd. by Clarence A. Manning. New York: W.F. Payson, 1934.
- Breger Louis.* Dostoevsky, the Author as Psychoanalyst. New York University Press, 1989.
- Brown Nathalie Babel.* Hugo & Dostoevsky. Introd. by Robert Belknap. Ann Arbor, Mich.: Ardis, 1978.
- Bulletin — International Dostoevsky Society. International Dostoevsky Society, 1980–2005 (издание продолжается).
- Busch Robert L.* Humor in the Major Novels of F.M. Dostoevsky. Slavica Publishers, 1987.
- Cascardi Anthony J.* The bounds of reason: Cervantes, Dostoevsky, Flaubert. Columbia University Press, 1986.
- Cambridge companion to Dostoevskii. Edited by W.J. Leatherbarrow. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2002.
- Carr Edward Hallett.* Dostoevsky (1821–1881) a New Biography. With a preface by D.S. Mirsky. Boston, New York: Houghton Mifflin company, 1931.
- Conradi P.* Fyodor Dostoevsky. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan, 1988.
- Dalton Elizabeth.* Unconscious Structure in *The Idiot*: a Study in Literature and Psychoanalysis. Princeton University Press, 1978.
- Cox Gary.* Tyrant and Victim in Dostoevsky. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1984.
- Cox Roger L.* Between Earth and Heaven; Shakespeare, Dostoevsky, and the Meaning of Christian tragedy. New York, Holt, Rinehart and Winston, 1969.
- Curle Richard.* Characters of Dostoevsky; Studies From Four Novels. New York: Russell & Russell, 1966.
- Danow David K.* The Dialogic Sign: Essays on the Major Novels of Dostoevsky. P. Lang, 1991.
- De Jonge Alex.* Dostoevsky and the Age of Intensity. New York: St. Martin's Press, 1975.
- Dirschel Denis.* Dostoevsky and the Catholic Church. Chicago: Loyola University Press, 1986.
- Dodd W.J.* Kafka and Dostoevsky: the Shaping of Influence. St. Martin's Press, 1992.
- Dolens I.* Dostoevsky and Christ. Toronto: York Publishing & Printing Co., 1978.
- Dostoevsky and the Christian Tradition. Edited by D.O. Thompson and G. Pattison. Cambridge University Press, 2001:
- Ziolkowska M.* Dostoevsky and the Kenotic Tradition.
- Kirillova I.* Dostoevsky's Markings in the Gospel According to St. John.
- Ollivier S.* Icons in Dostoevsky's Works.
- Thompson D.O.* Problems of the Biblical Word in Dostoevsky's poetics.
- Pyman A.* Dostoevsky in the prism of the orthodox semiosphere.
- Cunningham D.* *The Brothers Karamazov* as trinitarian theology.
- Ziolkowski E.J.* Reading and incarnation of Dostoevsky.
- Johae A.* Towards an Iconography of Dostoevsky.
- Kantor V.* Pavel Smerdyakov and Ivan Karamazov: The problem of temptation.
- Russell H.M.W.* Beyond the will: Humiliation as Christian necessity in *Crime and Punishment*.
- Pattison G.* *Freedom's dangerous dialogue: reading Dostoevsky and Kierkegaard together.*
- Dostoevsky studies: journal of the International Dostoevsky Society. PG3328 Published for IDS by Institute of Slavic Studies, University of Klagenfurt, 1980–2005 (издание продолжается).
- Dowler W.* Dostoevsky. Grigor'ev and Native Soil Conservatism. Toronto: University of Toronto Press, 1982.

- Fanger Donald.* Dostoevsky and romantic realism: a Study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens, and Gogol. Chicago: University of Chicago Press, 1965.
- Fayer Mischa H.* Gide, Freedom and Dostoevsky. Burlington: Vt., Lane Press, 1946.
- Frank J.* Dostoevsky, the Years of Ordeal, 1850–1859. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1983.
- Frank J.* Dostoevsky. The Mantle of the Prophet, 1871–1881. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2002.
- Frank J.* Dostoevsky: the Seeds of Revolt, 1821–1849. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1976.
- Frank J.* Dostoevsky: the Stir of Liberation, 1860–1865. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1986.
- Frank J.* Dostoevsky. The miraculous Years, 1865–1871. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1995.
- Freedom and responsibility in Russian literature. Edited by Allen E.Ch., Morson, G.S. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1995 (приводятся статьи, относящиеся к творчеству Достоевского):
- Frank J.* *The Gambler: A Study in Ethnopsychology.*
- Miller R.F.* *The Dream of a Ridiculous Man: Unsealing the Generic Envelope.*
- Amert S.* The Reader's Responsibility in *The Brothers Karamazov.*
- Clowes E.W.* Self-Laceration and Resentment.
- Fusso S.* Maidens in Childbirth: The Sistine Madonna in Dostoevskii's *Devils* // *Slavic Review.* 2. 1995.
- Gibson A.* Religion of Dostoevsky. London: S.C.M.P., 1973.
- Goldstein David I.* Dostoyevski and the Jews. Foreword by Joseph Frank. Austin: University of Texas Press, 1981.
- Griffiths F.T.* Novel Epics: Gogol, Dostoevsky, and National Narrative. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1990.
- Guerard Albert J.* Triumph of the Novel: Dickens, Dostoevsky, Faulkner. New York: Oxford University Press, 1976.
- Halperin George.* Tolstoy, Dostoevsky, Tourgenyev: the Three Great Men of Russia's World of Literature. Chicago: Chicago Literary Club, 1946.
- Harper Ralph.* Seventh Solitude; Man's Isolation in Kierkegaard, Dostoevsky, and Nietzsche. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1965.
- Hingley Ronald.* Dostoyevsky: His Life and Work. London: P. Elek, 1978.
- Hingley Ronald.* The Undiscovered Dostoyevsky. Greenwood Press, 1975.
- Holquist Michael.* Dostoevsky and the Novel. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1977.
- Hubben William.* Four Prophets of Our Destiny; Kierkegaard, Dostoevsky, Nietzsche, Kafka. New York: Macmillan, 1952.
- Jackson R.L.* Dostoevsky: Quest for Form. New Haven: Yale University Press, 1966.
- Jackson R.L.* Art of Dostoevsky: Deliriums and Nocturnes. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1981.
- Jackson R.L.* Dialogues with Dostoevsky: the Overwhelming Questions. Stanford: Stanford University Press, 1993.
- Jackson R.L.* Dostoevsky's Underground Man in Russian Literature. Greenwood Press Publishers, Westport, CT, 1981.
- Johnson Leslie A.* The experience of time in *Crime and Punishment.* Slavica Publishers, 1984.
- Jones John.* Dostoevsky. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1983.
- Jones Malcolm V.* Dostoyevsky after Bakhtin: Readings in Dostoyevsky's Fantastic Realism. Cambridge, England; New York, NY, USA: Cambridge University Press, 1990.
- Jones Malcolm V.* Dostoyevsky: the Novel of Discord. London: Elek, 1976.

- Kabat Geoffrey C.* Ideology and imagination: the image of society in Dostoevsky. Columbia University Press, 1978.
- Kanevskaya Marina.* N.K. Mikhailovsky's Criticism of Dostoevsky: the Cruel Critic. Lewiston, N.Y.: E. Mellen Press, 2001.
- Kellogg Jean.* Dark Prophets of Hope — Dostoevsky, Sartre, Camus, Faulkner. Chicago: Loyola University Press, 1975.
- King Henry Hall.* Dostoevsky and Andreyev: Gazers Upon the Abyss. Ithaca, N.Y., The Cornell Alumni News Corporation, 1936.
- Knapp L.* The Annihilation of Inertia. Dostoevsky's Metaphysics. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1996.
- Kostalevsky M.* Dostoevsky and Soloviev. The Art of Integral Vision. New Haven and London: Yale University Press, 1997.
- Kroecker P.T.* Remembering the End: Dostoevsky as Prophet to Modernity. Boulder, Colo.: Westview Press, 2001.
- Lary N.M.* Dostoevsky and Dickens: a Study of Literary Influence. Routledge and Kegan Paul, 1973.
- Lary N.M.* Dostoevsky and Soviet film: Visions of Demonic Realism. Cornell University Press, 1986.
- Lavrin Janko.* Dostoevsky and His Creation; a Psycho-critical Study. London: W. Collins sons, 1920.
- Lavrin Janko.* Dostoevsky; a Study. New York, Russell & Russell, 1969.
- Leatherbarrow William J.* Fedor Dostoevsky. Boston: Twayne Publishers, 1981.
- Leatherbarrow William J.* Fyodor Dostoyevsky — The brothers Karamazov. Cambridge England; New York: Cambridge University Press, 1992.
- Lloyd J.A.T.* Great Russian Realist (Feodor Dostoevsky). With a photogravure frontispiece. London, 1912.
- Lord Robert.* Dostoevsky: Essays and Perspectives. London: Chatto & Windus, 1970.
- Mackiewicz Stanislaw.* Dostoyevsky. London: Orbis, 1947.
- MacPike Loralee.* Dostoevsky's Dickens: a Study of Literary Influence. Totowa, N.J.: Barnes & Noble, 1981.
- Magarshack David.* Dostoevsky. New York: Harcourt, Brace & World, 1963.
- Martinsen Deborah A.* Surprised by Shame: Dostoevsky's Liars and Narrative exposure. Columbus: Ohio State University Press, 2003.
- Matlaw Ralph E.* Brothers Karamazov; Novelistic Technique. 'S-Gravenhage: Mouton, 1957.
- Meerson O.* Dostoevsky's Taboos. Dresden; München: Dresden University Press, 1998.
- Miller R.F.* Dostoevskii and the Homeopathic Dose // American Contributions to the Twelfth International Congress of Slavists, eds. Robert A. Maguire and Alan Timberlake. Bloomington: Slavica Publishers, 1998.
- Miller R.F.* The Brothers Karamazov: Worlds of the Novel. New York: Twayne Publishers, 1992.
- Milosz C.* Dostoevsky and Swedenborg // Slavic Review. 1975. Vol. 34.
- Morson G.S.* Introductory Study: Dostoevsky's Great Experiment // *Dostoevsky Fyodor.* A Writer's Diary. Translated and annotated by Kenneth Lantz. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1993.
- Morson G.S.* Boundaries of genre: Dostoevsky's Diary of a Writer and the Traditions of Literary Utopia. Austin: University of Texas Press, 1981.
- Muchnic Helen.* Dostoevsky's English Reputation (1881–1936). Northampton, Mass., Smith College, Departments of Modern Languages of Smith College, 1939.
- Muggeridge Malcolm.* Third Testament: a Modern Pilgrim Explores the Spiritual Wanderings of Augustine, Blake, Pascal, Tolstoy, Bonhoeffer, Kierkegaard, and Dostoevsky. Farmington, PA: Plough Publishing House, 2002.

Murav H. Holy Foolishness: Dostoevsky's Novels and the Poetics of Social Critique. Stanford: Stanford University Press, 1992.

Murry J.M. Fyodor Dostoevsky: a Critical Study. London: M. Secker, 1916.

New Word on *The Brothers Karamazov*. Edited by Robert Louis Jackson; with an introductory essay by Robin Feuer Miller and a concluding one by William Mills Todd III. Evanston, Ill: Northwestern University Press, 2004:

Miller R.F. *The Brothers Karamazov Today*.

Bird R. Refiguring the Russian Type: Dostoevsky and the Limits of Realism.

Knapp L. Mothers & Sons in *The Brothers Karamazov*: Our Ladies of Skotoprigionievsk.

Martinsen Deborah A. Shame's Rhetoric, or Ivan's Devil, Karamazov Soul.

Buzina T. Two Fates: Zosima's Bow and What Rakitin Said.

Johnson L.D. Struggle for Theosis: Smerdyakov as Would-Be Saint.

Golstein V. Accidental Families and Surrogate Fathers: Richard, Grigory, and Smerdyakov.

Morson G.S. The God of Onions: *The Brothers Karamazov* and the Mythic Prosaic.

Orwin D. Did Dostoevsky or Tolstoy Believe in Miracles?

Fusso S. The Sexuality of a Male Virgin; Arkady in *A Raw Youth* and Alyosha Karamazov.

Emerson C. Zosima's «Mysterious Visitor»: Again Bakhtin on Dostoevsky, and Dostoevsky on Heaven and Hell.

Gerigk H.-J. Dostoevsky: Genius of Evocation; The Scene of Fyodor Karamazov's Murder and Its Symbolic Topography.

Holland K. The Legend of the *Ladonka* and the Trial of the Novel.

Kostalevsky M. Sensual Mind: The Pain and Pleasure of Thinking.

Shrayer M.D. The Jewish Question and *The Brothers Karamazov*.

Jackson R.L. Alyosha's Speech at the Stone: «The Whole Picture».

Todd W.M. *The Brothers Karamazov Tomorrow*.

Nuttall A.D. Crime and Punishment: Murder as Philosophic Experiment. Published for Sussex University Press by Scottish Academic Press, 1978.

Paperno I. Suicide as a Cultural Institution in Dostoevsky's Russia. Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 1997.

Passage C.E. Dostoevski the Adapter; a Study in Dostoevski's Use of the Tales of Hoffmann. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1954.

Passage Charles E. Character Names in Dostoevsky's Fiction. Ardis Publishers, 1982.

Payne R. Dostoevsky: a Human Portrait. New York: Knopf, 1961.

Peace R.A. Dostoevsky; an Examination of the Major Novels. Cambridge University Press, 1971.

Pelikan Straus N. «Why did I say "Women!"?» Raskolnikov Reimagined // *Diacritics*. 1993. 23.

Plath Sylvia. Magic Mirror: a Study of the Double in Two of Dostoevsky's Novels. Rhiwargor, Llanwddyn, Powys: Embers Handpress, 1989.

Powys John Cowper. Dostoevsky. London: J. Lane, 1946.

Proctor Thelwall. Dostoevskij and the Belinskij School of Literary Criticism. The Hague, Paris: Mouton, 1969.

Reeve F.D. White Monk: an Essay on Dostoevsky and Melville. Nashville, Tenn.: Vanderbilt University Press, 1989.

Rice James L. Dostoevsky and the Healing Art: an Essay in Literary and Medical History. Ann Arbor, MI: Ardis, 1985.

Roe Ivan. The Breath of Corruption; an Interpretation of Dostoevsky. Kennikat Press, 1972.

Rosenshield G. Crime and Redemption, Russian and American Style: Dostoevsky, Buckley, Mailer, Styron and Their Wards // *Slavic and East European Journal*. 1998. 4.

Rosenshield G. Dostoevsky and the Kornilova Case: The Realization of Russian Justice // *Canadian-American Slavic Studies*. 1997. 1.

Rosenshield G. The Imprisonment of the Law: Dostoevskij and the Kronenberg Case // *Slavic and East European Journal*. 1992. 4.

- Rosenshield G.* The Realization of the Collective Self: The Rebirth of Religious Autobiography in Dostoevskii's *Zapiski iz Mertvogo Doma* // *Slavic and East European Journal*. 1991. 2.
- Rosenshield Gary.* *Crime and Punishment: the Techniques of the Omniscient Author*. Peter de Ridder Press, 1978.
- Rowe William Woodin.* *Dostoevsky; Child and Man in His Works*. New York: New York University Press, 1968.
- Sajkovic Miriam Taylor.* *F.M. Dostoevsky: His Image of Man*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1962.
- Sandoz Ellis.* *Political Apocalypse; A study of Dostoevsky's Grand Inquisitor*. Louisiana State University Press, 1971.
- Scanlan James.* *Dostoevsky the Thinker*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2002.
- Seeley Frank Friedeberg.* *Saviour or Superman?: Old and New Essays on Tolstoy and Dostoevsky*. Nottingham, England: Astra Press, 1999.
- Shneidman N.N.* *Dostoevsky and Suicide*. Oakville, Ont., Canada; New York: Mosaic Press, 1984.
- Simmons Ernest Joseph.* *Feodor Dostoevsky*. New York: Columbia University Press, 1969.
- Simmons Ernest Joseph.* *Dostoevski; the Making of a Novelist*. London, New York: Oxford University Press, 1940.
- Smith Jeremy.* *Religious feeling and religious commitment in Faulkner, Dostoyevsky, Werfel, and Bernanos*. Garland Publishers, 1988.
- Smith S.S.* *Abnormal From Within: Dostoevsky*. Eugene: University of Oregon, 1935.
- Somervil-Ayrton S.K.* *Poverty and Power in the Early Works of Dostoevskij*. Amsterdam: Rodopi, 1988.
- Steiner George.* *Tolstoy or Dostoevsky; an Essay in the Old Criticism*. New York: Knopf, 1959.
- Straus Nina Pelikan.* *Dostoevsky and the Woman Question: Re-readings at the End of a Century*. New York: St. Martin's Press, 1994.
- Sutherland Stewart R.* *Atheism and the Rejection of God: Contemporary Philosophy and the Brothers Karamazov*. Oxford: Blackwell, 1977.
- Terras V.* *Problems of Human Existence in the Works of Young Dostoevsky* // *Slavic Review*. 1964. 23. March.
- Terras Victor.* *Karamazov Companion: Commentary on the Genesis, Language, and Style of Dostoevsky's Novel*. Madison: University of Wisconsin Press, 1981.
- Terras Victor.* *F.M. Dostoevsky: Life, Work, and Criticism*. Fredericton, N.B., Canada: York Press, 1984.
- Terras Victor.* *Reading Dostoevsky*. Madison: University of Wisconsin Press, 1998.
- Terras Victor.* *Young Dostoevsky (1846–1849): A Critical Study*. The Hague: Mouton, 1969.
- Thompson Diane Oenning.* *Brothers Karamazov and the Poetics of Memory*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1991.
- Trace Arther S.* *Furnace of Doubt: Dostoevsky & «The Brothers Karamazov»*. Peru, Ill.: Sherwood Sugden, 1988.
- Ward Bruce Kinsey.* *Dostoyevsky's Critique of the West: the Quest for the Earthly Paradise*. Waterloo, Ont.: Wilfrid Laurier University Press, 1986.
- Wasiolek Edward.* *Dostoevsky: the Major Fiction*. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1964.
- Westbrook Perry D.* *Greatness of Man; an Essay on Dostoyevsky and Whitman*. New York: T. Yoseloff, 1961.
- Woodhouse C.M.* *Dostoevsky*. London: A. Barker, 1951.